

Дом призрака

Автор:

Наталья Александрова

Дом призрака

Наталья Николаевна Александрова

Детектив-любитель Надежда ЛебедеваРоковой артефакт

В старом центре Выборга до наших дней сохранился старинный особняк, в котором, согласно легенде, спрятаны несметные богатства масонов. Многие охотники за сокровищами пытались отыскать клад, но безуспешно. А местные жители обходят этот дом стороной и называют его Домом призрака. Ведь на протяжении ста лет при загадочных обстоятельствах в нем с завидным постоянством гибли люди. Детективу-любителю Надежде Лебедевой выпал шанс разгадать тайну, которую хранит Дом призрака, и она его не упустит.

Наталья Александрова

Дом призрака

© Н. Александрова, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Прижав сумку коленом, Надежда аккуратно открыла оба замка и вошла в квартиру. Теперь понадобились обе руки, чтобы повернуть язычок замка и убрать ключи в карман, дабы не забыть их и не засунуть куда-нибудь в незнакомой квартире. В прихожей было темно, а выключатель находился не у двери, а в стороне, так что Надежда, не глядя, поставила сумку на пуфик. Сумка упала на пол с глухим стуком.

- Вот черт! - выдохнула Надежда. - Да что же это такое!

Шагнув на цыпочках, чтобы не наследить, она дотянулась до выключателя. Прихожую озарил мягкий свет, и Надежда увидела, что ее сумка валяется на полу.

- Неужели они разбились? - простионала она. - Саша мне этого не простит никогда!

Дрожащими руками Надежда распотрошила сумку и достала оттуда сверток, красиво перевязанный подарочной лентой. Дернув ленту, она развернула бумагу, и ее взору предстала коробка с иероглифами на крышке.

В коробке лежали две японские чашки, которые они с мужем купили в подарок друзьям на годовщину свадьбы, - чашки очень красивые и безумно дорогие. Но и друзья-то были старинные и самые близкие, так что денег несколько не жаль. Сегодня Надежда специально подъехала к мужу на работу, чтобы он во время обеда прошелся с ней по магазинам. Муж сам выбрал эти чашки и помчался в офис, Надежда еще уверила его, что вполне способна добраться домой на метро. И если она не уберегла подарок, то страшно представить, что будет. Убить муж, конечно, ее не убьет, но очень расстроится.

Затаив дыхание, Надежда достала одну чашку и рассмотрела ее очень внимательно. Чашка была цела, как и вторая. Они были так тщательно упакованы, что несколько не пострадали. Не то что на пол, можно с десятого этажа сбросить - и то ничего. Умеют японцы делать вещи, ничего не скажешь...

Переведя дух, Надежда аккуратно запаковала чашки, убрала коробку в сумку. И только после этого огляделась. Сумка упала на пол вовсе не потому, что раззява Надежда выпустила ее из рук. А потому, что пуфика не было на месте.

В этой квартире, как и у Надежды ниже этажом, большая прихожая. И встроенный шкаф находился чуть в стороне от входа, никак его не всунуть было поближе. Поэтому и пуфик стоял у самой двери, чтобы удобно было поставить сумку и дотянуться до выключателя. А потом сесть на пуфик и надеть тапочки. И только после этого идти к шкафу, чтобы не нанести грязи. Хотя и плитка в прихожей на полу, все равно каждый раз пол ведь мыть не будешь...

У самой Надежды роль пуфика выполняла деревянная галошница, она стояла на том же самом месте. Поэтому Надежда точно знала, что пуфик всегда стоит у двери. Однако сейчас он был передвинут, оттого она сумку в темноте поставила мимо и чуть не грохнула дорогушие чашки.

Надежда с подозрением посмотрела на пуфик. Ничего особенного, самый обычный, покрыт зелененьким кожзаменителем, чтобы можно было протереть влажной тряпкой. Только стоит не на месте.

Надежда наморщила лоб, вспоминая, видела ли пуфик у двери, когда она была тут три дня назад. Вроде бы видела. А может, она сама его передвинула, когда уходила...

Ладно, некогда прохлаждаться, нужно полить цветы и бежать, дома дел невпроворот.

Надежда сняла сапоги и прошла в комнату, которая в ее квартире была гостиной. А здесь, у Валентины, являлась оранжереей. Потому что вся была заполнена цветущими азами – белыми, розовыми, темно-красными, и была даже одна лиловая, удивительно красивого оттенка. Азалии стояли на подоконнике, на столе и на специальной стойке возле окна. И все обильно цвели.

Не в первый раз Надежда восхитилась открывшимся перед ней зрелищем. Красиво, что и говорить. Но трудоемко, постоянная забота. Азалии – растения довольно капризные, а уж когда цветут – особенно. Воды пьют – страшное дело. День пропустишь с поливом – и вот, все цветки поникнут и потом вряд ли оправятся.

Да уж, не было у бабы, что называется, забот, так купила себе поросся...

Тут Надежда вздохнула. Обиднее всего было думать, что получила она эти заботы вовсе не от собственной глупости, а от хорошего воспитания и нежелания портить отношения с соседями. Вот не может она послать человека подальше, если он ничего плохого ей не сделал, даже не посмотрел косо! За то и страдает. Правильно говорят, что интеллигентность в наше время здорово мешает жить.

Думая так, Надежда обходила все места расположения азалий, аккуратно обрывая пожелтевшие листья и повядшие цветки под самый корешок, чтобы ничего не осталось, тогда на этом месте вырастут новые листочки. Был у Валентины для этой цели специальный пинцет, только сейчас куда-то подевался.

Стоп! Вот про пинцет Надежда точно помнила. В прошлый раз она положила его на керамическое блюдечко, рядом с желтой пластмассовой лейкой. Лейка есть, блюдечко – вот оно, а пинцет – как корова языком слизала.

Надежда Николаевна недоуменно пожала плечами и начала сложный процесс полива. Нужно не замочить цветки, а то облетят, и следить, чтобы вода не перелилась через край. Все-таки она не углядела, и вода пролилась на паркет. Надежда сбегала в ванную за тряпкой, чтобы не оставлять лужу.

Пинцет нашелся под столом, очевидно, в прошлый раз она уронила его и не заметила. Да, но если бы он упал, то так и лежал бы вот тут, у левой ножки. А он ишь куда закатился, как будто его ногой пинали. Не мячик небось...

Да что такое творится с этой квартирой, вещи сами передвигаются, ноги у них, что ли, выросли! Прямо как в детском стихотворении:

Щипцы для орехов сказали соседям,

Блестящим и тонким щипцам для конфет:

«Когда ж, наконец, мы кататься поедем,

Покинув наш тесный и душный буфет?»

И ведь поскакали же, на настоящих лошадях...

Так то – в стихах, а тут в реальной жизни. Пуфик не на месте, пинцет черт-те где... Господи, скорей бы уж Валентина вернулась, у Надежды сил никаких нет!

История началась на прошлой неделе, а если точнее, месяца два назад, когда в квартиру над той, где проживала Надежда Николаевна с мужем и рыжим котом Бейсиком, въехала одинокая немолодая женщина. Квартиру продавала семья, переезжавшая в загородный дом, так что ремонт был вполне приличный. Новая хозяйка только кое-где переклеила обои, да наняла столяров для изготовления стеллажей и подставок для цветов. Об этом она сообщила Надежде, когда они столкнулись возле лифта.

Валентина Ивановна, как звали новую соседку, увлекалась цветами. Причем не просто любыми цветами, а именно азалиями. Впрочем, Надежда и сама тотчас об этом догадалась, помогая соседке втащить в лифт огромный пакет с удобрением для азалий.

В течение двух месяцев они время от времени встречались в подъезде, Надежда из вежливости спрашивала, как поживают азалии, и, когда Валентина пригласила ее посмотреть на цветы, не увидела причин отказаться. А там уж дала волю своему восхищению, потому что зрелище было феерическое. Большая светлая комната была буквально уставлена цветущими азалиями.

Надежда Николаевна и сама любила растения, и летом лоджия у нее была вся в цветах. И если не забывать закрывать дверь, чтобы на лоджию не проник рыжий вредитель и пожиратель гераней по имени Бейсик, то цветы будут жить припеваючи от весны до осени.

Что касается соседки, то Надежда Николаевна, как женщина практичная и здравомыслящая, понимала, что с азалиями явный перебор, слишком их много для обычной квартиры. Но, в конце концов, если Валентина может себе такое позволить, то почему бы и нет? Это же не стая кавказских овчарок, которые линяют в лифте и воют по ночам, мешая спать всему подъезду.

Надежда повосхищалась положенное время, вежливо отказалась от кофе и чая и ушла домой. А буквально через несколько дней на нее во дворе налетела восторженная Валентина и едва ли не на коленях умоляла навещать азалии хотя бы раз в три дня. Ей, оказывается, неожиданно подвернулась путевка в очень хороший санаторий. Если отказаться – больше не предложат, а азалии жалко

бросить на произвол судьбы. Она, Валентина, совершенно одинока, нет у нее никого, чтобы поливал цветы. А Надежде она доверяет.

Надежда поначалу отказалась, но соседка так просила со слезами на глазах, что в итоге согласилась. В конце концов, не так уж и трудно раз в три дня зайти и полить цветочки. Путевка у Валентины всего-то на двадцать дней, время пролетит незаметно.

Передавая ключи, Валентина смущенно попросила, чтобы Надежда не говорила никому, что ее не будет три недели. Мало ли что, узнают, что квартира стоит пустая... Красть у нее нечего, но все же...

Тут Надежда была полностью с ней согласна – незачем давать злоумышленникам повод. Так что она старалась навещать азалии незаметно и даже мужу ничего не сказала – он стал бы ворчать, что вечно она вмешивается не в свое дело. Соседка – человек малознакомый, мало ли, вдруг по приезде скажет, что у нее что-то пропало, запросто можно попасть в неловкое положение. Надежда и сама понимала – зря она согласилась, но что уж теперь делать...

Разобравшись с поливом, она прошла на кухню, чтобы наполнить водой бутылки и лейку. Все знают, что цветы нельзя поливать водой из-под крана, а только отстоявшейся хотя бы сутки.

Поставив под кран бутылку, Надежда рассеянно огляделась и вдруг встрепенулась. На сушилке стояла чашка. Большая чашка с петухом на боку. Петух был большой, красивый, с ярко-красным гребнем, бросавшимся в глаза.

Собственно, в чашке не было ничего особенного, если бы... Если бы Надежда точно не знала, что никакой чашки, с петухом или без него, на сушилке быть не могло.

Валентина Ивановна была немолодой, одинокой. И очень аккуратной. Все вещи стояли у нее на своих местах, и, уезжая в санаторий, она убрала всю квартиру. Посуду – в буфет, одежду – в шкаф, на стульях ничего не висит, на столе ничего не стоит, покрывало на кровати не морщит, все в порядке. Надежда по квартире не рыскала, но кроме гостиной заходила и в другие комнаты, чтобы проветрить.

В кухне вообще было пусто, даже холодильник отключен. И не было на сушилке никакой чашки!

- Так... - сказала Надежда, оглядываясь по сторонам, - так...

Если принять как гипотезу, что у нее, Надежды, нет провалов в памяти, то следует не отмахиваться и осознать, что в квартире кто-то побывал.

Но кто? Валентина неоднократно говорила ей, что нет у нее никого из близких, иначе она не стала бы просить Надежду лелеять азалии в ее отсутствие. Обокрали?

Надежда закрутила кран и бросилась в комнаты.

Ничего. Все чисто и аккуратно. Шкафы не раскрыты, постель не сбита, ничего не сломано и не разбито. Станный какой-то вор, вошел, аккуратно открыв дверь, ничего не взял, только выпил водички и ушел, чашечку даже сполоснул. Ну, еще пуфик сдвинул и пинцет закатил подальше. Так, может, никого и не было, а просто у Надежды глюки? Возраст, знаете ли, все-таки солидный...

- Но-но! - возмутилась Надежда вслух. - Какой еще возраст? Что я - старуха столетняя? Всего-то мне... - тут она запнулась, так как не хотела вслух, даже без свидетелей, произносить это ненавистное число с пятеркой и нулем на конце.

И они еще поют - мои года, мое богатство! Тоже мне богатство. Но так или иначе ни глаза, ни уши, ни память пока что Надежду не подводили. С другой стороны - чашка... и пуфик... Это - факты.

Надежда Николаевна Лебедева была весьма своеобразной. Точнее, имела своеобразное хобби. Она обожала расследовать преступления. И вообще ввязываться во всякие криминальные истории. Она имела множество знакомых, и хотя все они были приличные люди, но не зря народная мудрость советует не зарекаться от сумы и от тюрьмы, поэтому некоторые из числа знакомых попадали в криминальные ситуации. Поначалу Надежда Николаевна действовала исключительно из любви к ближнему, потом помогала просто незнакомым людям, а потом у нее выработалось чутье на криминал.

Другой человек пройдет мимо, отмахнется, да и забудет, выбросит из головы. А Надежда непременно заметит, проанализирует, соберет доказательства – и пошло-поехало, снова ввязалась в какое-нибудь опасное приключение.

Сейчас Надежда подумала самую малость и приняла решение. Пока она не будет ничего предпринимать, нужно убедиться, что кто-то и правда посещает квартиру в отсутствие хозяйки. Но как это сделать?

Поставить камеру. Где-нибудь так незаметно воткнуть, и чтобы записывала, а потом просмотреть запись. И если техника не подведет, а такое тоже бывает, то получишь неопровержимое доказательство недобросовестной работы няни, к примеру. Или как уборщица шарит по шкафам и примеряет платья хозяйки, в то время как ей нужно бегать по квартире с тряпкой и пылесосом. Или как шалопай-племянник пытается открыть сейф, подсмотрев код.

Да, камера помогла бы, только не в данном случае. Потому что Надежда, возможно, и смогла бы найти толкового человека, который поставил бы камеру, но она не имела права распоряжаться в чужой квартире.

Стало быть, камера отпадает, придется обойтись подручными средствами, то есть сделать секретки.

Надежда Николаевна читала множество детективов, где были описаны способы устанавливания этих самых секреток. Волосок в замочной скважине не подходил – слишком долго она будет возиться на площадке, чтобы его засунуть, так еще соседи увидят, начнут задавать вопросы, придется рассказать, что она в отсутствие хозяйки поливает цветы, а Валентина ведь просила этого не делать.

Так что волосок отпадал. Не подходил также и листок копирки, подложенный под коврик у двери – она понятия не имеет, есть ли у Валентины копирка.

Надежда подумала немного и просто засунула между дверью и косяком крошечный кусок бумаги – если дверь откроют, он выпадет. А еще она наскребла земли из лиловой азалии и высыпала ее на коврик у двери.

Валентина, как уже говорилось, была супераккуратной, так что второй коврик лежал у нее в квартире. Надежда тщательно размазала землю по всему коврику и ушла, от души надеясь, что ничего не случится и земля останется на коврике.

А потом она все уберет.

Следующие два дня стояла удивительно теплая погода, Надежда закрутилась с делами и, посмотрев как-то на Бейсика, который нежился на подоконнике под лучами редкого осеннего солнышка, решила проверить азалии пораньше, а то как бы не пересохли.

Возвращаясь из магазина, она зашла сначала домой, чтобы оставить тяжелые сумки и снять верхнюю одежду, и уж потом поднялась в квартиру Валентины.

Первое, что бросилось ей в глаза, – крошечный кусок бумаги на полу. То есть Надежда ожидала его найти, потому и заметила, а посторонний человек и внимания бы не обратил – кому придет в голову оглядывать не слишком чистый пол лестничной площадки?

– Так-так... – сказала Надежда, осторожно поднимая бумажку, – так-так...

Выходит, дверь кто-то открывал. Но следовало убедиться наверняка. Вполне возможно, что бумажка выпала сама, выдуло, к примеру, сквозняком.

– Хм... – прищурилась Надежда, она твердо помнила, что все форточки в квартире были закрыты, азалии не терпят сквозняков, об этом Валентина неоднократно напоминала.

Опасливо оглянувшись на двери остальных квартир, Надежда отперла дверь и вошла, ступив через коврик прямо на пол. В прихожей было полутемно. Надежда на цыпочках прокралась к выключателю и нажала кнопку.

Светильник, который озарял прихожую мягким светом, не включился. Надежда удовлетворенно усмехнулась – в прошлый раз она собственноручно слегка выкрутила лампочку, чтобы контакта не было. В темной прихожей неизвестный визитер не увидит, что оставляет следы на светлой плитке пола.

Сейчас Надежда вкрутила лампочку и при свете увидела следы. Мужские следы, которые вели из коридора в комнату.

Не в ту, где проживали азалии, и не в ту, где располагалась спальня Валентины, а в третью комнату. Сюда Надежда не заглядывала, Валентина сказала, что проветривать там не нужно, комната, мол, нежилая.

Комната и правда оказалась нежилая, потому что были в ней только коробки, оставшиеся от переезда. Некоторые еще не разобраны – так и стояли перевязанные бечевкой. Надежда понятия не имела, что искал неизвестный визитер в этой комнате и двигал ли он коробки. Может, и двигал, и рылся, а потом поставил все на место. Коробки были аккуратно пронумерованы, очевидно, где-то у Валентины хранился список, что в какой лежит.

Глядя на комочки земли, валявшиеся повсюду, Надежда тяжело вздохнула. И что ей теперь делать? Сообщить Валентине? Она представила, как звонит той на мобильник и путано объясняет, что какой-то неизвестный человек ходит в квартиру в отсутствие хозяйки. Валентина всполошится и ее же потом обвинит во всем, скажет, что ключи она давала только Надежде, и больше никому. И не дай бог что-то у нее пропадет, а это вполне возможно, потому что ищет же тут что-то неизвестный визитер. И тогда все точно свалят на Надежду.

– Черт меня дернул! – в сердцах высказалась Надежда. – Ну за что мне такое наказание?

«За собственную глупость и мягкотелость, – тут же ответил ей ехидный внутренний голос. – Вот отказала бы Валентине наотрез – и ничего бы не было. Подумаешь, азалии засохнут, да и черт с ними!»

– Это точно, – со вздохом согласилась Надежда, – но сейчас-то что делать?

На такой прямой вопрос внутренний голос не нашел ответа и заткнулся. Надежда машинально проделала все процедуры с азалиями, которые, наверно, чувствовали отсутствие хозяйки и выглядели не лучшим образом. После полива, однако, малость воспрянули духом. Чего нельзя сказать о Надежде.

Закончив все дела, она замела комочки земли и ушла, не сделав на этот раз никаких секреток – зачем, когда и так все ясно.

Подумав немного, она решила Валентине пока не звонить. Вот вернется соседка из санатория, тогда можно будет в приватной беседе осторожненько так

намекнуть, если, конечно, Валентина сама не догадается. А вполне возможно, что вся ситуация объясняется очень просто – объявился какой-то родственник, племянник двоюродный или свояк, которому Валентина давала ключи. Мало ли что Валентина говорила, что у нее никого нет. Возможно, не хотела поручать мужчине воспитание азалий – в этом деле от мужчин проку никакого.

Надежда дала себе слово, что, если все обойдется, она с Валентиной постепенно раздружится, чтобы та в следующий раз не поручала ей свои азалии. Да ни за какие коврижки!

На три последующих дня она выбросила всю историю из головы, поскольку подоспел тот самый юбилей близких старинных друзей, так что нужно было непременно наведаться в салон красоты, прикупить кое-что из косметики и вообще привести себя в порядок перед торжественным событием.

Надежда собиралась на юбилей не то чтобы долго, но тщательно. Юбиляры заказали банкет в дорогом ресторане, так что следовало их уважить и выглядеть нарядно и прилично.

Надежда не жаловала таких людей, которые, куда бы их ни пригласили, являются всегда в джинсах и засаленном свитерке или в курточке с залоснившимися рукавами. И в пир, как говорится, и в мир в одной кофте. Могут они так прийти в театр, на оперную премьеру или в ресторан на юбилей. И им, этим людям, абсолютно плевать на то, что все остальные одеты соответственно событию, и не по бедности они так одеваются, а из принципа. Дескать, если уж вы меня пригласили, то будете рады видеть в любом облике.

Надежда искренне считала, что такое поведение говорит о неуважении к хозяевам праздника, а проще говоря – это форменное свинство. Поэтому все утро она провела в салоне красоты, и платье сидело отлично и очень ей шло. Муж смотрел с нежностью, настроение было прекрасное.

Народу собралось человек тридцать, и, в общем, все свои, старые знакомые. Было приятно повидаться и поболтать о былых временах.

Банкет был накрыт в отдельном помещении, но танцевать выходили в общий зал. Надежда давно столько не танцевала, поэтому несколько подустала. Муж

заболтался где-то с приятелями, но Надежда не стала его искать. Она решила освежиться, подправить макияж и отдохнуть где-нибудь в относительной тишине.

Туалет в этом ресторане был под стать всему остальному – шикарный и огромный. Надежда задержалась перед зеркалом, подкрашивая губы, и хотела уже уходить, как вдруг дверь распахнулась и в туалет вбежала очень странная женщина. Платье на ней было вроде бы и ничего себе, довольно дорогое, но явно слишком короткое. Такое подошло бы совсем молоденькой девчонке, а женщине навскидку Надежда дала бы прилично за сорок. И это при том, что лица женщины она не разглядела, его закрывали пышные иссиня-черные волосы.

Вот в этом и заключалось главное несоответствие: платье цвета морской волны, голубое с зеленью – и черные как смоль волосы. Ну не носят брюнетки голубое, оно им не идет! А эта вон напялила, да еще в ресторан в нем явилась.

Тут Надежда осознала, что думает плохо о совершенно посторонней женщине, которая не сделала ей ничего плохого. Ну, нет у дамы вкуса, что ж теперь, дома ее запереть?..

Брюнетка поймала в зеркале взгляд Надежды и выронила слишком светлую губную помаду. Резко нагнулась и стукнулась головой о раковину. Прошипев ругательство, она схватилась за макушку и... Надежда вылупила глаза, потому что ей показалось, что брюнетка сняла с себя скальп. На самом деле это был парик, как тотчас уверилась Надежда. И вот когда дама сдвинула его набок, чтобы потереть макушку, Надежда узрела что-то очень знакомое.

– Динка! – заорала она. – Динка Кузовкова, ты ли это?

– Не кричи, – с досадой ответила Динка, – не кричи, Надька, все дело мне испортишь.

– Вот так встреча! – радовалась Надежда. – А какое дело? Брось ты все, мы же сто лет не виделись!

– Точно. – Дина вздохнула так тяжело, что Надежда опомнилась. Три бокала шампанского мигом выветрились из головы, она потрясла этой самой головой,

чтобы мозги встали на место. Помогло. Она посмотрела на стоящую напротив женщину. Точно, это Динка Кузовкова, если бы не парик, Надежда сразу бы ее узнала, хотя не виделись они... дай бог памяти... лет тридцать. Ну да, Динка училась в их группе до третьего курса, а потом ушла вроде бы в академический отпуск, а потом не то бросила институт, не то перевелась куда-то... в общем, пропала из их поля зрения. Надежда с Диной особенно не были дружны, не то чтобы она Надежде не нравилась, просто не было у них никаких точек соприкосновения.

Полное имя Дины было Надежда, но она при первой же встрече заявила, что имя это терпеть не может, что «девочка Надя» – это уже нарицательное, даже песня такая есть, и вообще, она родителям своим никогда не простит. И еще много такой же чуши. Надежда не то чтобы обиделась за свое имя, оно ей и самой не слишком нравилось, однако эта девица с понтами не нравилась ей еще больше. Тогда она промолчала, но держалась настороженно.

На первом курсе Дина Кузовкова была натуральной блондинкой с синими глазами, носила длинные развевающиеся юбки, распускала волосы и красиво встряхивала ими, так что по аудитории пролетал ветер. На втором курсе она переделалась в джинсы, коротко обстригла волосы и курила длинные сигареты с ментолом, красиво пуская дым колечками. На третьем курсе Дина вышла замуж. Парень был с соседнего факультета, на год старше Дины, Надежда сталкивалась с ним в спортивной секции. Он был хорош – высокий шатен с серыми глазами. Голос приятный, неплохо пел и играл на гитаре. Бегал на лыжах за институт, даже пару раз призы какие-то брал. Звали его Никитой. Злые студенческие языки утверждали, что Динка вышла замуж нарочно, чтобы сменить фамилию. При ее, мол, амбициях невозможно существовать с фамилией Кузовкова, у Никиты же была очень звучная фамилия Скавронский. Дина переименовала себя в Надин и стала Надин Скавронской. Да, ради этого стоило выйти замуж!

Но Надежда помнила, что пара была действительно красивая. И вроде бы любили они друг друга, по крайней мере, на первый взгляд, иначе зачем жениться?

А потом Дина бросила учебу. Что-то такое говорила Катька Ягодкина, которая с ней дружила: Динка, мол, не то нашла себе другого, не то муж ее бросил – в общем, они развелись.

Сейчас перед Надеждой стояла женщина в общем симпатичная, но не красавица. И уж точно теперь у нее не было никаких амбиций. Да это и ни к чему, жизнь все по своим местам расставила.

- Что смотришь? - спросила Дина. - Думаешь, я совсем сдурела, что парик этот нацепила и платье жуткое?

- Так это ты для конспирации? - догадалась Надежда. - Уже лучше.

- А ты думала - от бедности? - скривилась Дина.

- От бедности в такие рестораны не ходят, - справедливо заметила Надежда. - Но вообще-то, если я мешаю, я пойду к своему столу. А ты продолжай слезку.

- Да что уж теперь, - вздохнула Дина и тут же встрепенулась. - А ты откуда знаешь про слезку?

- А чем еще можно заниматься в таком виде? - Надежда пожала плечами. - Я ведь тебя неплохо помню, такое платье ты бы под страхом смерти не надела!

- Точно. - Дина не то чтобы подобрела, но черты ее как-то разгладились.

Было такое впечатление, что внутри ее распустился тугой и колючий узел.

- Точно про тебя Катька говорила, что ты наблюдательная.

- А что еще Катька говорила? - нахмурилась Надежда.

- Ну... что ты умная и решительная и любишь разные расследования проводить. И что у тебя неплохо это получается, кое-кому из знакомых ты здорово помогла.

«Ну вот откуда Катька Ягодкина про это знает? - в бессильном отчаянии подумала Надежда. - Мы с ней сто лет не виделись, а она все про меня знает. И если уж Катька в курсе, то, считай, полгорода осведомлены. Ой, что будет, если до Саши дойдет...»

- Надя, - Дина кусала губы в раздумье, - может, это судьба мне тебя послала, а?

- У тебя неприятности? - тут же отреагировала Надежда. - Помощь нужна?

- Скорее не помощь, а совет, - призналась Дина, - хотя если честно, то я и сама не знаю...

Надежда прислушалась к себе и не ощутила легкого покалывания в корнях волос, что свидетельствовало бы о том, что она собирается вляпаться в очередную криминальную авантюру. Все ясно: Динка следит за соперницей. Небось муж любовницу молодую завел, в ресторан ее пригласил, и эта тоже сюда приперлась. Думает, дура, что в парике черном ее никто не узнает. Да Надежда сразу сообразила, что с ней что-то не то. Ну не носят брюнетки голубое, этот цвет вообще мало кому идет!

- Надя, ты можешь сделать для меня одну вещь? - заговорила Дина с какой-то странной интонацией. - Сходи сейчас в большой зал и посмотри там...

- Извини, - твердо сказала Надежда, - тут я тебе не помощница. За своим мужем никогда следить не буду, за чужим тем более, и никому помогать не стану. Даже не проси, не стану. Это унижительно и противно.

- Ты что?! - возмутилась Дина. - Ты что - думаешь, я за мужем слежу?

- Ну, или за его дамой сердца. Да мне без разницы, в таком деле я тебе не помощник, - в сердцах ответила Надежда. - Еще не хватало позориться на старости лет. И ты не срамысь, лучше уходи отсюда, дома с мужем поговоришь!

- Мой муж умер год назад, - отчеканила Дина.

- Извини, - смешалась Надежда, - я не знала. Но... это ведь не Никита, верно?

- Ты помнишь Никиту? - оживилась Дина.

- Конечно! Интересный такой парень, вы с ним были красивой парой...

– Да... Конечно... Слушай, Надя, долго рассказывать, но поверь: это совсем не то, что ты думаешь, это гораздо серьезнее.

– Верю, – неожиданно для себя сказала Надежда, теперь ей стало ясно, что Дина и правда здорово чем-то расстроена. Хотя конечно, муж умер... Но ведь не вчера же... Печаль Дины была не хроническая, а недавняя.

– В общем, очень тебя прошу, пойдешь сейчас в большой зал, и там, слева, за угловым столиком увидишь такую... рыжую бабу. Когда я ее видела, она была одна, ждала кого-то. Так вот мне надо знать кого. Сейчас, наверно, они уже вдвоем. Все бы отдала, чтобы узнать, о чем они разговаривают! Но мне к ним приближаться ни в коем случае нельзя, она меня узнает даже в таком прикиде. Еще издали можно наблюдать, а вблизи никак нельзя riskовать.

– Да твой парик только слепой не заметит! – в сердцах высказалась Надежда. – Не могла что-то приличное найти?

– Некогда было, – отмахнулась Дина. – Так ты идешь? Надя, очень прошу!

– Да иду уж... – Надежда бросила последний взгляд в зеркало и вышла из туалета.

Проскользнув маленьким коридорчиком, она миновала холл с неизменной пальмой и кожаными диванчиками. Проходя мимо двери в их небольшой банкетный зал, заглянула туда. Стол как раз накрывали к десерту, гости разбрелись кто куда, мужа в зале не наблюдалось. С одной стороны, это хорошо, с другой – как бы не столкнуться с ним в большом зале.

Сделав рассеянно-задумчивое лицо, Надежда вошла в большой зал. Музыка играла, разумеется, ретро, потому что на площадке юбиляры танцевали танго. Ну надо же, специально научились. Без выкрутасов, но все же смотрится отлично.

Все гости и остальные посетители ресторана смотрели только на танцующую пару, поэтому Надежда смогла оглядеться без помех.

Так, Дина говорила: слева, в углу. Точно, сидит там такая рыжая, а с ней крупный лысый мужчина.

Надежда Николаевна имела не очень хорошее зрение, с детства страдала небольшой близорукостью. То есть не слишком страдала, но вдаль видела плоховато. Но очки не любила, считая, что они ей не идут, и надевала их только в зале кинотеатра, когда погасят свет, или дома перед телевизором.

Сейчас очки очень быгодились, но Надежда оставила их дома. А так было видно только, что рыжая о чем-то серьезно разговаривает с лысым мужчиной. То есть говорит она, близко наклоняясь к нему, а он слушает вроде бы снисходительно.

Вот такое у Надежды создалось впечатление. Нет, это дело надо прояснить.

Осторожно покосившись на танцующих, Надежда убедилась, что все смотрят только на них, обогнула танцпол по широкой дуге, и легкой, рассеянной походкой направилась в левый угол зала. Делая вид, что находится в легком подпитии, она смотрела вокруг, глупо улыбаясь, сама же рассматривала парочку за угловым столиком.

Надежда сразу же поняла, что эти двое вовсе не пара в общепринятом значении этого слова, что встречаются они в ресторане не для того, чтобы приятно провести время, а по делу. И что дело как раз важное в данном случае для женщины, она вызвала мужчину на встречу, а он пришел, но не слишком заинтересован в ней.

Оказавшись еще ближе, Надежда увидела, что женщина натурально рыжая. Цвет волос был красивый – не белесый, а темно-рыжий. И кожа не в веснушках, как часто бывает у рыжих, а очень белая. Женщина молодая, на первый взгляд не старше тридцати, но на второй, более внимательный, Надежда дала бы ей лет тридцать пять, а может, и побольше. Одета в дорогой зеленый костюм с весьма открытым вырезом.

«Не слишком хороший вкус, – тотчас подумала Надежда. – Отчего это рыжие думают, что нужно носить обязательно зеленое? Впрочем, возможно, у нее зеленые глаза...»

В общем, женщину можно было назвать даже интересной, если бы она не выглядела такой нервной. Она ерзала на стуле, то и дело поправляла волосы, перекладывала что-то на столе, наклонялась к своему собеседнику слишком близко. Вот именно, они сидели не напротив друг друга, а рядом.

Подойдя ближе, Надежда увидела, что перед этими двумя лежат какие-то бумаги. А еды никакой нет, только кофе да еще тарелочки с десертом, причем у женщины он вообще не тронут. Вблизи стало видно, что она худа и вертлява.

Надежда подошла совсем близко, лысый мужчина оглянулся и скользнул по ней рассеянным взглядом. Надежда сделала вид, что споткнулась, и уронила сумку.

– Простите! – рассмеялась она и развела руками. – Кажется, третий бокал шампанского был лишним.

Мужчина слегка улыбнулся в ответ. Надежда нагнулась за сумкой и увидела, что на столе лежат не бумаги, а фотографии. Хорошие цветные фотографии, на которых в разных ракурсах изображена какая-то коробочка, усыпанная драгоценными камнями. Рыжая дама нервно облизнула узкие губы и сделала произвольное движение, как будто собиралась прикрыть фотографии, но Надежда уже копошилась на полу, подбирая сумку. А когда встала, то увидела еще, что на одной фотографии написаны цифры – двадцать и три нуля, и лысый мужчина держит наготове ручку, чтобы написать что-то в ответ. Надежда скосила глаза так сильно, что рисковала получить косоглазие, и успела заметить, что мужчина перечеркнул написанное и ниже написал другие цифры. После чего она поскорее отвернулась, чтобы те двое ничего не заподозрили, и слегка пошатываясь, пошла прочь, от души надеясь, что собственный муж не встретит ее в таком виде.

Обошлось, она снова миновала танцпол по широкой дуге и проскочила в туалет.

– Ну что? – встретила ее Дина.

– Сидят, разговаривают. С ней лысый какой-то, – доложила Надежда, – с виду человек небедный, одет прилично, часы дорогие, ботинки итальянские ручной работы на заказ. – Ботинки она разглядела, когда поднимала сумку. – Фотографии какие-то разглядывают, она психует очень, издалека видно.

– А что на фотографиях? – странным, напряженным голосом спросила Дина.

– Коробочка драгоценная. Или шкатулка маленькая.

– Табакерка... – Дина порывисто прижала руку к сердцу. – Ах она стерва!

– Да что случилось-то? Ты можешь мне объяснить? – Надежда, видя, как Дина побледнела, помахала перед ее лицом куском бумажного полотенца.

– Некогда, потом. Вот узнать бы, кто такой этот лысый... – бормотала Дина, из чего Надежда сделала вывод, что рыжую стерву она знает очень хорошо.

– Сиди здесь! – бросила она и вышла.

И успела как раз вовремя, чтобы заметить, как лысый мужчина выходит из зала и направляется к входной двери. Все ясно, вопросы решили, чего расслаживаться-то. А рыжая с ним не пошла, стало быть, встреча у них была приватная, шифруются они.

Мужчина вышел, сунув купюру швейцару. Надежда подошла к двери расслабленной походкой, напевая мотив танго.

– Что-то мне нехорошо, – сказала она, – пойду, подышу немного. Ох, не надо было коньяк с шампанским мешать.

Ресторан был дорогой, так что швейцар только улыбнулся и широко распахнул перед ней дверь. Стараясь быть как можно незаметней, Надежда прошла несколько шагов до стоянки и увидела, что лысый сел в черную «Инфинити».

«Небедный человек», – подумала она, прищурившись, чтобы разглядеть номер.

Машина вырулила со стоянки, Надежда поскорее скользнула обратно в ресторан.

– Ну? – Дина изнывала в туалете.

Надежда записала номер машины губной помадой на бумажном полотенце.

- Сможешь сама пробить?

- Смогу. Спасибо тебе, Надя, - Дина отвела глаза. - Извини, что втянула тебя в это...

- Ничего, - сухо сказала Надежда, - мне нетрудно. Только сейчас уже пора, а то муж обыскался небось.

- Надя, давай встретимся завтра, я все тебе расскажу!

Очевидно, на Дину произвели большое впечатление Надеждины способности.

- Завтра никак не получится - воскресенье, - обронила Надежда, - муж дома.

На следующий день Надежда собиралась как следует отдохнуть от танцев и обжорства. Договорились на понедельник. Обменялись телефонами и условились встретиться днем в кафе на Большой Морской. Дина сказала, что будет там по делам.

В понедельник, когда муж уехал на работу, оказалось, что дома накопилось столько дел, да еще кот совершенно распустился, но раз договорились, то Надежда Николаевна все бросила и поехала на встречу с Диной.

Кафе было не слишком посещаемое - дорого. В большом зале народу совсем немного, потому что время ланча еще не наступило, а для завтрака уже поздно. Впрочем, как поняла Надежда из меню, ни завтраков, ни ланчей со скидкой в этом кафе не подавали. Надежда скромно заказала кофе и клубный сэндвич, уж очень аппетитно он смотрелся на картинке.

Дина выглядела сегодня получше. Волосы по-прежнему светлые, только теперь крашенные, стрижка короткая. Лишнего веса ни грамма, как с невольной завистью отметила Надежда. Косметика дорогая, потому что незаметная. И одета была Дина хоть и просто, но очень прилично. Джинсы хорошей фирмы, пиджачок темненький, в талию, топ открытый, и в вырезе все гладко.

«Надо худеть», – привычно вздохнула Надежда.

– Ну? – спросила она, усаживаясь поудобнее. – Удалось тебе узнать, кто такой этот лысый?

– Ты ведь не это хотела спросить, – прищурилась Дина, – ты ведь хотела узнать, как я дошла до жизни такой...

– Ну... – протянула Надежда, – если не считать умершего мужа, жизнь у тебя не такая уж была плохая. Судя по внешнему виду.

– Точно, – вздохнула Дина и приняла из рук официантки чашку черного кофе.

Надежде тотчас стало стыдно за клубный сэндвич, тем более что в жизни, так сказать, выглядел он гораздо хуже, чем на картинке в меню. Очень много белого хлеба, нарезанного треугольниками, чуть-чуть ветчины и недозрелые помидоры.

– В общем... – начала Дина, помешивая кофе, – помнишь, какая я была в институте дура?

– Да не дура вовсе, а просто молодая, – удивилась Надежда. – Все мы гораздо позже поумнели.

– Ну да, кто-то учился себе скромненько, не слишком напрягаясь, а у меня амбиции просто зашкаливали, – вздохнула Дина, – все мне казалось, что я достойна лучшего. Что ни дай – все мне мало. И то сказать, родители меня здорово избаловали, с детства отказу ни в чем не было, папа меня очень любил.

Надежда подумала, что, видно, Дину здорово потрепала жизнь, и насчет ума она не права, известно же, что дураки учатся на своих ошибках, а умные – на чужих.

– С внешностью у меня все в порядке было, училась легко, – продолжала Дина, – вот и уверилась, что я – самая лучшая. Парни за мной бегали, а я как положила глаз на Никиту – так он не сразу на меня внимание обратил, поэтому, наверно, я и влюбилась. Так-то бросила бы его сразу, а тут... в общем, поженились мы...

- Девчонки тогда сплетничали, что из-за фамилии, - усмехнулась Надежда.

- И это тоже, - Дина отпила кофе и поморщилась, потом продолжила: - Продержались мы года два, потому что, как оказалось, были оба с амбициями. Он себя тоже особенным считал, всего достойным, но, честно говоря, палец о палец не ударил, чтобы как-то утвердиться. Учился спустя рукава, выезжал на обаянии. Девочки в группе очень его любили - и лабораторную за него сделают, и лекции запишут. И он вроде с ними, как и раньше, все шутит да обнимается, как будто и не женатый теперь. Ничего такого, но привычки свои не меняет. А мне, ясное дело, такое не нравится, стали мы ссориться. Ну, по первости, такое времяпрепровождение тоже интересно. Поругались - помирились, потом опять все сначала. Потом и это надоело. Денег нет, только его да моя стипендия. Потому что отец мне сразу сказал: замуж вышла - пускай тебя муж содержит. А я, мол, такого лба здорового себе на шею сажать не собираюсь. Очень он был против Никиты, я сейчас думаю, просто ревновал меня. А Никитушка денег зарабатывать и не собирался. Ну и начали мы тогда ругаться по-настоящему. Да и развелись потом, я к родителям переехала. А пока мы отношения выясняли, институт как-то на задний план отошел. Сначала академку взяла, потом не захотела возвращаться. Думала в универ поступать, на журналистику, или в институт киноинженеров... как-то время прошло. А как развелись мы - так мама возмутилась. Иди, говорит, работать, двадцать три года тебе, хватит уже на нашей шее сидеть. Все равно толку с твоей учебы не будет.

- Н-ну... - Надежда незаметно взглянула на часы.

Как-то Дина начала издали, прямо от печки. Этак до обеда просидеть можно. А у нее дома обеда как раз и нет. И кот совершенно распустился. Но Динка разошлась - как человека остановишь. Может, ей поговорить не с кем...

- В общем, пошла я работать секретаршей в одну фирму. Пару лет там проработала, потом уволилась, потом еще куда-то устроилась, не помню уже. А потом как раз перестройка началась, и устроилась я на совместное русско-финское предприятие. Там мы с Алексеем, мужем моим, и познакомились. Я к тому времени амбиции-то малость подрастеряла. Поработаешь секретаршей - сразу всех иллюзий лишишься. Начальник орет, когда не в духе, жена его смотрит волком - опасается, что он со мной в кабинете сексом занимается. Который не орет - тот действительно норовит под юбку залезть.

– Ну, ты-то девица интересная была, разумеется, мужики липли, – пробормотала Надежда, чтобы разговор у них напоминал беседу, а не просто монолог Дины.

– В общем, приятно мало, – похоже, Дина не обратила внимания. – Так что когда Алексей стал мне знаки внимания оказывать, я решила, что это несерьезно. Ну, ясное дело, хочет секретаршу начальника задобрить. Отговорюсь от свидания, но с шутками, чтобы человека зря не обижать. Так-то он мне нравился, приличный такой мужчина, немногословный, вежливый, меня на десять лет старше, серьезный, в общем. На работе его уважают. Потом как-то помог он мне в одном деле, там путаница вышла с бумагами, он за меня перед начальником заступился. Разговорились, смотрю – человек хороший. А потом как-то поймала себя на мысли, что на работу иду, как на праздник, потому что его увижу. Ну и стали встречаться. Он тянуть не стал, почти сразу признался, что давно меня на заметку взял, что любит и хочет на мне жениться. Ну, я недолго думала, к тому времени уж двадцать седьмой год пошел, что сидеть-то... Муж к тому времени свое предприятие организовал, партнеры у него финские были. И для удобства купил квартиру в Выборге, туда мы и переехали, вскоре и сын родился.

Надежда с отвращением ковыряла клубный сэндвич и запивала его остывшим кофе. Вот зачем она тут сидит? Только калорий лишних набирается!

– Извини, Надя, что-то я разболталась, – Дина почувствовала ее настроение и глядела страдальческими глазами.

Надежде стало стыдно. Какие-то все стали в последнее время злые и черствые. У человека несчастье, муж умер, конечно, про него поговорить хочется.

– Да ничего, просто ты уж ближе к делу, – пробормотала она, – кто такая та рыжая, что в ресторане с лысым была? Кстати, ты номер машины пробила, узнала, чья она?

– Узнала. Но я все же по порядку. – Дина махнула официантке, а когда та пришла, сказала строго: – Принесите чаю, и покрепче, потому что кофе в этом заведении варить совершенно не умеют.

– И сэндвичи делать тоже, – поддакнула Надежда.

Официантка посмотрела очень выразительно – мол, меньше съешь, тетя, тебе же полезнее.

Надежда промолчала – в принципе она права. Не хочется, конечно, спускаться наглou девице, но и ругаться времени нет. Только настроение себе испортишь.

– Ну, переехали мы в Выборг, я не работаю, занимаюсь квартирой да сыном, – продолжала Дина, – с мужем живем дружно, человек и правда хороший он был. Сына любил, ко мне прекрасно относился. Проходит лет десять, приехала я как-то к маме, сына Ромку на каникулы привезла. Решила по городу прогуляться, соскучилась. Ну и встретила Никиту. Смотрю – все такой же, ничуть не изменился. Обаяние из него так и брызжет. Он меня увидел, обрадовался, выглядишь, говорит, хорошо, на пользу тебе замужество пошло. Ну, посидели в кафе, поговорили, я про сына рассказала. Он в ответ, что после меня женат был, да что-то не заладилось, и сейчас они в стадии затяжного развода. Ну, я не очень поверила – все мужчины так говорят. А потом... – голос у Дины дрогнул, – а потом он посмотрел так серьезно и сказал, что поедem мы сейчас в одно место. А я смотрю на него и понимаю, что соглашаться ни в каком случае нельзя, а горло перехватило, так что я только кивнула.

Дина со слабой улыбкой приняла из рук официантки чашку чая.

– Ну, что дальше рассказывать? – продолжала она тихим голосом. – Привез он меня куда-то, друг, что ли, у него в отъезде был. А больше ничего и не помню. Потому что когда очухались мы, то смотрим друг на друга и думаем – что же мы наделали? Ведь могли же не разлучаться, а мы сами все испортили.

Надежда отхлебнула свой чай, он был хорош – крепкий и душистый, очевидно, официантка усовестилась.

– Ну, распрощались, да и поехала я домой. Дома, знаешь, особенно раздумывать некогда – семья, работа. Я к тому времени у мужа работала, компания его расширялась, дела хорошо шли, он дом в Финляндии купил. Никита звонил мне несколько раз. Как услышу его голос – так прямо больная делаюсь. Но сквозь стиснутые зубы ему отвечаю, чтобы забыл про меня и не звонил больше. А по прошествии времени приезжает он в Выборг – все же близко. Как увидела его – снова на меня накатило, не могу расстаться, как магнитом нас друг к другу тянет. Пришла к нему в гостиницу – и как нас никто не заметил, в Выборге же

все друг друга знают? Ну, потом он и говорит – бросай мужа, бери сына и переезжай ко мне. Я, говорит, развелся, не веришь – вот паспорт посмотри. Ну, отвечаю, я подумаю, потом в Питер приеду, там поговорим.

Дина откинулась на стуле и на минуту прикрыла глаза, Надежда же снова поглядела на часы. Нет, ну пора это прекратить все-таки, ей домой надо...

– Думала я думала и надумала с этой историей покончить. Ну, как я могу мужа бросить? Ведь у меня тут все – и семья, и работа, он сына очень любит, Ромка только и ждет, когда отец с работы приедет. Как я могу ребенка отца лишать? Тем более что из Никиты-то отец никакой, уж я-то знаю. Он и о себе-то заботиться не любит, а куда уж ему на шею жену и ребенка чужого вешать. И вот, Надя, хочешь верь, хочешь нет, но не из-за денег я с мужем осталась. Я ведь его любила, а не то что через силу с ним в постель ложилась. Но с Никитой... это судьба нам такая выпала... – снова голос у Дины дрогнул. – В общем, изложила я все Никите при встрече – так, мол, и так, не могу я. Он обиделся, конечно, расстались мы. Год не виделись, так поверишь, мне этот год за пять пошел, как на войне! Один раз проснулась ночью, чувствую, не могу больше, сейчас умру. Ну, не выдержала, поехала в Питер, звоню ему. Он прибежал сам не свой – тоже, смотрю, вид не блестящий. Говорит, я на все согласен, только не рви со мной совсем, не могу без тебя. Ну, и я без него не могу. Так и пошло. Как есть повод, так я в Питер. Хоть раз в месяц, хоть в два. А в остальное время живем мы с Никитой каждый сам по себе, даже не перезваниваемся и сообщения друг другу не пишем. И так лет десять еще прошло, представляешь?

– Не представляю, – пробормотала Надежда.

– Никита, конечно, тоже не монахом все это время жил. Были у него женщины, потом женился он на этой вот рыжей, Виктории.

«Слава богу, к делу наконец подошли!» – мысленно оживилась Надежда.

– Сказал мне, что беременна она, он и женился. Но потом не то наврала она, не то и правда у нее выкидыш случился – в общем, не было никаких детей, и нет. Ну, мне что, я для себя все еще раньше решила, что от мужа не уйду никогда. А потом муж у меня заболел – онкология. Два года это продолжалось, сначала-то ничего, он человек мужественный, а потом все плохо стало... – Дина поникла.

– Все уже случилось... – пробормотала Надежда и сочувственно погладила ее по руке.

– Да, точно. Ну, похоронили мы его, я, поскольку давно к этому готова была, не то чтобы не горевала, но в ступор не впадала, тут дела неотложные навалились, фирму нужно было спасать. Сыну моему двадцать три года всего, парень он, конечно, умный, но молодой еще. Ну, трудно, конечно, было, но договорись мы с компаньонами, никто не в обиде. Управляющего нашли толкового, чтобы сын у него кой-чему поучился. Время пролетело, а потом приезжает как-то Никита в Выборг. Приходит на работу ко мне открыто – нужно, говорит, все обсудить. Вечером сидим мы с ним в кафе – что уж теперь скрывать, он и говорит твердо: бросай тут все и выходи за меня замуж. Столько, говорит, мы в своей жизни напортачили, надо исправлять. Веришь ли, Надя, я прямо обалдела. Да как же, говорю, года еще не прошло, как мужа я похоронила... А он твердо так отвечает – ну и ладно, там что было, то прошло. Мы, говорит, тоже уже не молоденькие, а жизнь коротка, в любую минуту может подлянку подсунуть, тебе ли не знать. Точно, думаю, вот у мужа какие планы были, но болезнь пришла и все по-своему повернула. Смотрю я на Никиту и вижу, что те десять лет, что мы по крупицам свое счастье ловили, тоже для него бесследно не прошли. А он мой взгляд поймал и говорит, что поумнел теперь и твердо знает, чего от жизни хочет. И толково так мне свои планы изложил.

Надежда уже отчаялась когда-нибудь уйти из этого кафе. Однако по привычке сохраняла на лице внимательное выражение. Дина же продолжала, не замечая ее мучений:

– У него родители умерли, оставили двухкомнатную квартиру. А свою он жене бывшей оставит и уйдет в чем есть. И я так же сделаю – оставляю все сыну, и начнем мы с ним новую жизнь с нуля, чтобы никаких к нам претензий. Что касается работы, то в большом городе найду я что-нибудь, хоть бухгалтером в небольшую фирмочку устраюсь, а у него, оказывается, работа есть. Раньше-то мы про это не говорили – некогда разговаривать было, а теперь он мне все подробно объяснил. Нашел, говорит, я к пятидесяти годам наконец свое дело. А раньше потому так болтался, что не мое это было.

– И чем же он занимается? – из вежливости спросила Надежда.

– Ни за что не угадаешь! – Дина блеснула глазами. – Реставрирует предметы старины!

– Чего? – Надежда откровенно разинула рот. Ну никак она не могла связать это с тем Никитой, которого помнила по институту.

– Да вот так! Оказывается, дед у него был по этому делу большой мастер. И вот теперь проявилось это качество в Никите. То есть не мебель и вообще ничего крупного, а шкатулки, ларцы, статуэтки разные, светильники...

– Угу, понятно, декоративно-прикладное искусство... – пробормотала Надежда.

– Ну да! Заработок хоть и не очень большой, но стабильный, так что с голоду не умрем. И вот поглядела я на него и поняла, что он прав. Поговорила с сыном – он, конечно, на дыбы – как смеешь, да года еще не прошло... Там еще свекровь его настроила, хотя до этого у нас с ней отношения хорошие были. Но я на своем стою крепко, сказала, что все ему оставляю – и фирму, и квартиру, и дом в Финляндии, и все деньги, что есть. Работай, говорю, если что нужно – советом помогу, а так сам справляйся. Ничего, мы не с такого начинали.

– Смелый шаг... Как же ты ничего себе не оставила на черный день?.. – удивилась Надежда.

– А меня Никита с деньгами бы и не взял, – отмахнулась Дина, – он принципиальный. Ну, в общем, сын усовестился, договорились мы по-хорошему. Тут как раз год прошел со дня смерти мужа, я и решилась. Переехала к Никите, вещи только с собой взяла и мелочи кое-какие на память. Квартира у него в центре, большая довольно, только он одну комнату под мастерскую приспособил. Но все бы ничего, если бы не его бывшая. Он сказал, что давно они плохо жили, а в последнее время он все больше в той, родительской квартире находился, работал там. Ну, она вроде не против была. А как узнала, что ему развод нужен, чтобы на мне жениться, – так прямо озверела. Не дает развода, скандалит. Никита прямо отчаялся – зачем, кричит, я тебе нужен? Сама говорила, что ни любви с меня, ни денег больших.

– А она что? – оживилась Надежда.

– А она чушь какую-то несет, что ей нужен статус замужней женщины, а потом проговорилась, что просто из вредности. Ну, он плюнул да и ушел. Сказал, что знает ее как облупленную, что скоро ей это надоест и все наладится. Раз он ей

квартиру оставляет, то можно будет как-нибудь договориться. Так и оказалось, вроде бы договорились они, да только эта стерва решила напоследок ему нагадить. Да и украла из мастерской ценную табакерку, которую ему один очень влиятельный человек на реставрацию оставил.

- Да как же она туда проникла?

- Значит, еще раньше как-то ключи раздобыла. Я и не знала, а Никита, конечно, прозевал этот момент, что замки-то поменять нужно было.

- Вещь дорогая? - деловито осведомилась Надежда.

- Очень. Никита сказал, что пятьдесят тысяч стоит.

- Долларов? - Про рубли Надежда и спрашивать не стала.

- Евро, - вздохнула Дина. - Никита как увидел, что эта табакерка пропала, сразу к ней бросился, да нервничал очень и по дороге попал в аварию.

- Да что ты? - ахнула Надежда. - Разбился?

- Ну, могло быть хуже, а так два ребра сломаны и сильный ушиб головы. Сейчас уже получше, в больнице он, на капельницах. Скоро выписать обещали...

- Ну, все одно к одному... - вздохнула Надежда.

- Я поначалу растерялась - думаю, наплевать на все, лишь бы он живой был! А потом думаю, а как же мы жить будем? Ведь это придется квартиру продавать, чтобы за табакерку расплатиться! А самое главное - человек тот, чья вещь, очень опасный, он раньше с криминалом был связан. Стало быть, если его рассердить, очень может жизнь испортить. И решила я табакерку вернуть. Хотя бы попытаться, чего сразу лапки кверху-то поднимать?

- Правильно, - горячо согласилась Надежда, - всегда можно выход найти, если постараться.

– Ну да, ну да... – Дина поглядела на нее с легким удивлением. – В общем, решила я за этой заразой Викторией проследить. Она ведь как своим умишком куриным рассудила? Сопрет она табакерку и сразу продаст. А потом смотается куда-нибудь хоть на время. Ну, в теплые края, да не в Турцию, а куда подальше. А пока тут это дело как-нибудь рассосется. Или Никита квартиру родительскую продаст, или тот тип, чья табакерка, с ним по-крупному разберется. В обоих случаях она не внакладе. Дура, в общем, не понимает, какого уровня тот человек, хозяин табакерки. Если ему намекнуть, что Виктория причастна к краже его вещи – он ее со дна моря достанет. Но Никите-то это ничего не даст, потому что он вещь брал, с него и первый спрос будет.

– Да понимаю я! – отмахнулась Надежда. – Ты говори, что по делу придумала!

– Значит, я, как узнала про это, да еще в больнице задержалась, думала, что не успею. А потом подумала, что Виктория от таких дел далека, она раньше администратором в салоне красоты работала, так что связей в антикварном мире у нее нет. Поэтому какое-то время пройдет, пока она на нужного человека выйдет. Потому как даже она понимает, что с краденой вещью в обычный антикварный магазин идти нельзя, слишком опасно. Она же не знает, что Никита в больнице, думает, может, он уже в полицию сообщил.

– Разумно, – одобрила Надежда.

– В общем, взяла я машину, еще кое-какие вещи и прилипла к этой стерве с самого утра в субботу. Она никуда не ездила, потом смотрю – вышла и идет в ателье, где фотографии печатают. Ну, думаю, дело ясное, сфотографировала она табакерку, чтобы покупателю показать. Можно бы и на телефоне, но так солиднее, со всех ракурсов. Не таскать же с собой ценную вещь.

– А ты говоришь – она полная дура, – усомнилась Надежда.

– Дура, но не полная. Вперед далеко не заглядывает, а так, конечно, соображает в свою пользу, – нехотя согласилась Дина. – Ну, получила она фотографии, я еще успела через плечо ее глянуть – точно, та самая табакерка. Вот не поверишь, еле удержалась, чтобы тут же в морду ей не вцепиться!

– Понимаю... – протянула Надежда, – а дальше-то что было?

– У меня в сумке парик был, и платице это у подружки сына взяла. Девчонка молоденькая совсем и то удивилась – зачем вам, Дина Романовна? Она, мол, его давно уже выбросить хотела...

– Как тебя в ресторан-то в таком виде пустили? – усмехнулась Надежда.

– Известно как, – огрызнулась Дина, – за деньги.

Надежде стало стыдно – у человека и правда неприятности большие, а она, вместо того чтобы помочь, подсмеивается.

– Дальше ты все знаешь, сама видела, как Виктория с этим лысым встречается.

– Так кто он такой? Ты выяснила?

– Ага. Есть у меня один человек, в фирме мужа безопасностью заведует. Когда-то муж очень ему помог, так что он Алексею предан был. Я потому и оставляю фирму, что знаю – он сыну поможет, если что, будет Ромка за ним, как за каменной стеной. В общем, обратилась я к нему, он номер машины по своей базе пробил, выяснил, что владелец – Вдовин Степан Платонович, адвокат, телефон его и адрес конторы. Это в бизнес-центре возле Сенной площади. А еще от себя добавил он, что Вдовин этот – довольно скользкий тип, по антиквариату какие-то у него не слишком честные дела. Но осторожный, так что ни разу не попадался.

– Ну, я так понимаю, что в ресторане они не до конца договорились, – задумчиво протянула Надежда. – Этот тип, Вдовин, обещал, что подумает, правильно?

– Разумеется, даже если он захотел табакерку купить, он все равно паузу держать должен, чтобы Виктория не подумала, что он заинтересовался.

– Точно, он с ней торговался! – вспомнила Надежда. – Она просила за вещь двадцать тысяч, уж не знаю только чего, а он зачеркнул и написал другую цифру.

– Что делать? – Дина внезапно закрыла лицо руками. – Как вернуть табакерку? Не могу же я к ней домой вломиться...

– Если она не полная дура, то она ее не дома прячет. А если дома, то все равно не скажет, не пытаться же стерву... Надо табакерку обманом из нее вытянуть, – решительно сказала Надежда. – Вот что, ты сейчас иди к Никите, а я домой. Подумаю над этим вопросом, вечером тебе позвоню.

– Как бы поздно не было... – тоскливо сказала Дина, расставаясь.

Простившись с Диной, Надежда полетела домой, забежала по дороге в пару магазинов и полностью окунулась в домашнее хозяйство.

Домашние дела, как известно, никогда не кончаются, так что до прихода мужа с работы оставалось часа полтора, когда Надежда спохватилась, что сегодня не поливала Валентинины азалии. До возвращения соседки оставалось всего три дня, и обидно будет засушить цветы под самый занавес!

Надежда схватила ключи от соседкиной квартиры и кинулась к двери, но уже в прихожей мельком увидела себя в зеркале и вспомнила свою замечательную московскую тетку. Тетке было уже за восемьдесят, но она отлично выглядела и поучала свою племянницу:

«Надя, если проходишь мимо зеркала – причешишь, если выносишь мусор на помойку – накрась губы, а уж если выходишь в магазин или погулять с собакой – обязательно сделай полный макияж! И никаких тренировочных штанов! Нельзя опускаться, этак и до фланелевого халата дойти можно!»

«Фланелевый халат» был в теткинском лексиконе словом, безусловно, ругательным.

Сейчас из зеркала на Надежду смотрело растрепанное создание в старой толстовке и удобных тренировочных штанах.

Устыдившись, Надежда натянула джинсы и приличный фиолетовый свитерок, причесалась и подкрасила губы, приравняв свой выход к соседке к походу на помойку.

Теперь смотреть в зеркало было не стыдно, московская тетка была бы довольна.

Надежда вышла на лестницу, заперла квартиру и поднялась на восьмой этаж, радуясь в душе, что это последний раз, когда она сюда приходит. Больше никаких экскурсий и просмотров азалий, они ей ужасно надоели. И никаких чаепитий с соседкой, в лифте поздоровались и разошлись.

Открыв дверь Валентиновой квартиры, она увидела в прихожей чемодан, дорожную сумку и сапоги.

Все ясно, Валентина соскучилась по своим азалиям и решила вернуться пораньше! Это очень кстати.

Надежда шагнула вперед и громко проговорила:

– Валентина, вы вернулись?

Соседка не отозвалась.

Конечно, можно было уйти, считая свой долг благополучно завершённым, но Надежде это показалось неудобно: раз уж зашла в квартиру, нужно хотя бы поздороваться с соседкой, отдать ей ключи, отчитаться об азалиях...

– Валя, вы дома? – повторила она еще громче. – Это я, Надежда! Я вам ключи принесла!

Соседка по-прежнему не отзывалась, но Надежда расслышала доносящиеся из дальней комнаты приглушенные голоса.

«Наверное, она разговаривает по телефону, поэтому и не слышит меня», – подумала Надежда Николаевна и решительно направилась вперед по коридору.

Дверь той комнаты, откуда слышались голоса, была полуоткрыта.

Надежда на всякий случай постучалась, не дождалась ответа и толкнула дверь, с порога заговорив:

– Здравствуйте, Валентина! Вы вернулись пораньше? Ну, тогда я вам отдам ключи... вроде я ваши азалии не засушила...

Не закончив фразу, она вошла в комнату и огляделась.

В углу напротив двери она увидела включенный телевизор. На экране молодой человек с наголо выбритой головой доходчиво объяснял, как защитить себя и своих близких от дурного глаза. Именно его голос Надежда услышала из прихожей. Кроме него, в комнате никого не было.

Хотя... приглядевшись, Надежда увидела выглядывающую из-за дивана женскую ногу.

Рядом с ногой валялась розовая домашняя тапочка с помпоном.

Надежда удивленно уставилась на ногу и обошла диван, чтобы прояснить ситуацию.

За диваном на полу лежала женщина в расстегнутой куртке. Глаза ее были широко открыты, в них застыло странное выражение растерянности, удивления и детской обиды.

Не сразу Надежда узнала в ней Валентину. Прежде ей никогда не приходилось видеть соседку в таком странном ракурсе и с таким странным выражением лица. Вообще, сейчас до Надежды все доходило удивительно медленно, как это бывает во сне.

Осознав, что перед ней на полу лежит Валентина, Надежда разглядела еще одну странную вещь: вокруг головы соседки расплывалась темно-красная лужа.

В своем замедленном состоянии Надежда вообразила, что это – вишневое варенье, что соседке внезапно стало плохо, она упала и разбила банку с вареньем...

Надежда Николаевна машинально сделала еще два шага вперед, опустилась на колени рядом с Валентиной и взяла ее за руку, чтобы нащупать пульс. Одновременно она проговорила тихим, испуганным голосом:

– Валя! Валентина! Что с вами?

Валентина не отозвалась и даже не шелохнулась, и пульса Надежда не нашла. Тогда она сделала еще одну попытку – попробовала найти пульс на шее. Говорят, это легче, чем на руке.

Но там пульса тоже не было.

И тут наконец до Надежды дошла страшная и очевидная правда.

Красная лужа на полу была вовсе не вареньем, а кровью. Пульса у Валентины не было и быть не могло по самой простой и страшной причине: Валентина была мертва.

Только мертвая женщина могла лежать в такой неудобной, неестественной позе, только мертвая женщина могла не дышать столько времени, только у мертвой женщины могли быть такие неподвижные, широко открытые глаза с таким странным выражением.

В этот ужасный миг за спиной Надежды раздался тихий вкрадчивый голос:

– С точки зрения астрологической безопасности и кармического благополучия, очень важен правильный подбор украшений, в особенности драгоценных камней...

– Ой! – вскрикнула Надежда и обернулась.

У нее за спиной никого не было, кроме телевизора. И именно по телевизору бритоголовый консультант объяснял, в каких случаях предпочтительны бразильские изумруды, а в каких – южноафриканские бриллианты.

– Ой! – вскрикнула Надежда снова, вскочила и одним огромным прыжком отлетела в сторону от трупа.

Отскочить-то она отскочила, но не могла отвести от него глаз.

– Ой! – вскрикнула Надежда в третий раз, выскочила в коридор, как пробка из бутылки, и бросилась к двери.

В голове у нее стремительно пронеслась паническая мысль: немедленно бежать домой, закрыться в своей квартире, забыть, как страшный сон, мертвую Валентину и лужу крови на полу... никому, ни одной живой душе не проговориться, что она бывала у нее в квартире и поливала чертовы азалии! Никому, а особенно мужу...

С такой мыслью она почти добежала до входной двери, но усилием воли заставила себя остановиться.

Что это с ней? Она – взрослая, серьезная, решительная женщина, многое повидала за свою жизнь, а особенно за последнее время, когда завела обыкновение расследовать всякие криминальные истории. Трупов она не видела, что ли? Так с чего в такую панику впадать? Соседке уже не поможешь, так нужно вызвать полицию наконец, не бросать же Валентину тут одну!

Что это на нее нашло, разве можно так распускаться? Очевидно, просто от неожиданности. Ну никак не ожидала она, что в этой аккуратной, уютной, чистенькой квартирке среди цветущих азалий она найдет труп хозяйки! Да кому могла помешать эта немолодая одинокая женщина?

Надежда глубоко вздохнула и сунула руку в карман джинсов за телефоном. Карман был пуст, мобильник остался дома. Что ж, придется искать телефон в квартире.

Надежда призвала на помощь все свое хладнокровие и направилась в гостиную. Но тут же поняла, что в гостиной телефона быть не может – там живут одни азалии, им трубка без надобности. Телефон может быть только в спальне, точнее, в единственной комнате, где Валентина спала, смотрела телевизор и вообще проводила время.

Ноги Надежды двигались с таким трудом, как будто к каждой привязали по чугунному ядру. Однако она заставила их двигаться в нужном направлении. Она вошла в комнату, уговаривая себя не смотреть на мертвое тело. Ну что такого? Ну, женщина мертвая... жалко, конечно, но что ж теперь поделать...

Однако глаза сами устремлялись в ту сторону. Надежда с тоской оглядела покойницу, ее глаза, из которых уходило удивленное выражение, теперь они были просто мертвые, ее неудобную позу.

- Господи... - невольно пробормотала Надежда Николаевна и тут увидела наконец переносной телефон. Схватив трубку, она едва не выругалась с досады - телефон был отключен. Педантичная Валентина выключила его, уезжая.

Надежда решила идти к себе и позвонить оттуда. Приедет полиция - она явится, расскажет все как есть. Бросив последний взгляд на Валентину, она увидела, что возле левой руки покойницы что-то блестит. Да это же ключи! Ну, хороша была бы Надежда, оставив тут ключи со своими отпечатками!

Бум! - трубка телефона с грохотом упала на пол.

Надежда так вздрогнула, что клацнули зубы. Нет, больше она не выдержит в этой квартире ни секунды! Домой, немедленно домой и позвонить оттуда. Пускай полиция возьмет ее на заметку, пускай муж будет недоволен - Надежде теперь уже все равно. В конце концов, она не сделала ничего плохого, чего ей бояться? А с мужем как-нибудь они разберутся.

С этой благой мыслью Надежда Николаевна направилась к входной двери, и в это самое время в этой двери заскрежетал ключ.

«Ой!» - хотела вскрикнуть Надежда, но вовремя одумалась и зажала рот рукой.

Рука у нее была в чем-то липком.

Надежда отдернула руку от лица и в испуге взглянула на нее...

Рука была в крови.

И не только эта, но и вторая.

Должно быть, Надежда измазалась в крови, когда искала у Валентины пульс...

- Ой, мамочки! - вскрикнула Надежда испуганным шепотом и попятилась.

Она представила, как кто-то войдет в эту квартиру и увидит ее - встрепанную, испуганную, с окровавленными руками...

Ну ясно, ее примут за убийцу! И оправдаться будет практически невозможно! И она отправится по этапу в Сибирь, как Родион Раскольников... ну, пусть не в Сибирь, но на зону, это ничем не лучше. А самое ужасное – обо всем узнает муж...

Разумеется, он ее не бросит, не такой он человек, он станет носить ей передачи, наймет самых дорогих адвокатов, но вот помогут ли они... А Надежда будет ждать суда в набитой уголовницами камере неизвестно сколько времени, какой кошмар!

А что, если... если тот, кто открывает сейчас дверь – это убийца, который вернулся на место своего преступления? И сейчас, увидев Надежду, он поймет, что она – опасный свидетель, а что делают убийцы со свидетелями? Свидетели вообще живут недолго, это Надежда Николаевна точно знает!

Эта ужасная мысль придала ей новые силы. Надежда, по-прежнему задом, вылетела из прихожей, снова оказавшись в той комнате, где она обнаружила мертвую Валентину.

Стараясь не смотреть на нее, она отступила к самому окну, точнее, к балконной двери, и только там поняла, что оказалась в еще худшем положении, чем прежде, – прямо возле окровавленного трупа... если ее застанут здесь, ее участь будет ужасной!

А в коридоре уже были слышны шаги, и эти шаги неумолимо приближались к двери...

Надежда в ужасе огляделась вокруг. Ей хотелось исчезнуть, спрятаться, забиться в щель, стать невидимой – но спрятаться было негде, разве что...

В панике, почти перестав соображать, Надежда открыла балконную дверь и выскользнула на балкон.

Балкон был маленький, узкий. Большинство жильцов устроили на этом балконе свалку всякого ненужного барахла, Валентина не была исключением. Но поскольку обрасти бараклом она не успела, то на балконе стояли банки с краской, оставшиеся после ремонта, и еще ящик со всякими мелочами.

Оказавшись на этом балконе, Надежда с ужасом поняла, что сама загнала себя в ловушку.

Теперь ей действительно некуда было отступить и негде было спрятаться. И уж теперь ей никак не удастся объяснить, что она делает на чужом балконе.

Надежда перегнулась через узкие перила, увидела внизу свой собственный балкон. И тут в ее охваченном паникой мозгу возникла удивительная мысль.

Если бы она могла каким-то чудом перенестись с этого балкона на свой! Тогда она оказалась бы в безопасности, оказалась бы дома, где, как известно, и стены помогают! Всего каких-то три метра отделяют ее от спасения!

Но как она может перенестись на свой балкон?

Крыльев у Надежды нет, и альпинизмом она никогда не занималась, а если бы и занималась – сейчас она была не в том возрасте и не в той форме, чтобы совершать такие подвиги! И вообще, Надежда не то чтобы боялась высоты, но внизу, у нее под ногами, разверзлась настоящая пропасть. Восемь этажей свободного полета... в здравом уме она никогда не решилась бы на такой риск, но сейчас она была далеко не в здравом уме. Откровенно говоря, она вообще плохо соображала.

Надежда боялась свалиться вниз, но еще больше она боялась, что муж узнает, что она опять ввязалась в криминальную историю. Пусть даже помимо своей воли.

Выбора не оставалось.

По-прежнему в панике Надежда оглядела балкон.

По краям балкона имелись два тонких столбика, которые соединяли балконы между собой. Между этими столбиками прежние соседи летом сушили белье, и там осталась привязана толстая бельевая веревка. Почти не рассуждая, Надежда отвязала один конец этой веревки, обмотала его вокруг талии на манер страховочного троса.

«Всего три метра! – говорила она себе. – До моего балкона всего три метра! Неужели я не смогу...»

И с этой мыслью она обхватила ненадежный столбик и перевалилась через перила. Тотчас послышался какой-то стук или звон, как будто на пол упало что-то металлическое.

«Ключи! – мелькнула мысль. – Это выпали ключи!»

Надежда перехватила правой рукой столбик, а левой хлопнула по карману джинсов. Слава тебе господи, ключи оказались на месте, а то просто хоть волком вой!

Она вцепилась в столбик мертвой хваткой, зажмурила глаза и начала медленно сползать вниз.

«Только не открывать глаза! – повторяла она про себя. – Только не смотреть вниз! Если я увижу под собой восьмиэтажную пропасть – все, я погибла! Я сорвусь в ту же секунду!»

Сердце ее билось с какой-то нереальной частотой, во рту пересохло, но Надежда понемногу сползала вниз по столбику. Скорее просто под действием силы всемирного тяготения, нежели сознательно.

Человеческие мысли и фантазии бывают подчас совершенно необъяснимыми и непонятными. К примеру, сейчас, сползая по этому столбу, Надежда представила танцовщицу ночного клуба, обвивающуюся вокруг шеста...

«Хорошо этой танцовщице, – завистливо подумала Надежда, – если даже она сорвется, падать ей недалеко, а у меня внизу целых восемь этажей...»

Представив эту разверзшуюся под ней пропасть, Надежда отчетливо поняла, что не сможет спуститься на свой балкон, что жизнь ее кончена... руки ее начали слабеть, разжиматься...

И в тот момент, когда ей казалось, что вот сейчас она сорвется, она почувствовала под ногой твердую опору.

Надежда опасливо открыла один глаз, потом второй – и убедилась, что стоит одной ногой на перилах собственного балкона.

Она сделала усилие, переползла через перила и спрыгнула на балкон.

В тот же миг силы оставили ее, ноги подогнулись, и Надежда Николаевна плавно осела на холодный балконный пол.

Несколько бесконечно долгих минут она сидела на полу, приходя в себя. Наконец частота сердечных сокращений пришла в норму, голова перестала кружиться, и Надежда встала на трясущиеся ноги, потому что сидеть на ледяном полу стало очень некомфортно.

Первым делом она взглянула вверх – и ни за что не смогла поверить, что только что сумела спуститься по такому ненадежному и тонкому столбику. Это было просто невозможно.

«Неужели это я – женщина не слишком спортивная и среднего, скажем так, возраста, неужели я смогла спуститься? – подумала Надежда. – Да, просто удивительно, что воры не используют такой простой способ проникать в квартиры...»

Затем она огляделась – и на душе у нее полегчало.

Она была на своем собственном балконе, можно сказать, у себя дома. Теперь никто не сможет связать ее с окровавленным трупом Валентины, потому что никто не поверит, что она смогла спуститься с верхнего балкона. Она смогла совершить чудо, смогла спуститься с верхнего этажа, за что очень себя заважала.

Конечно, об этом подвиге никому нельзя рассказать, но разве это важно? Самое главное, что она сама знает об этом! Правда, повторить такой подвиг она не сможет никогда, ни при каких условиях и ни за какие коврижки!

Темным облачком на горизонте оставалась мысль, что этажом выше находилась мертвая Валентина, к тому же Надежда сдуру заляпала там все своими отпечатками, но Надежда Николаевна решила подумать об этом позже, а сейчас

нужно выпить чашку горячего чаю, чтобы успокоиться, привести себя в порядок к приходу мужа... Он же совсем скоро с работы вернется.

С этой мыслью Надежда протянула руку к балконной двери...

И поняла, что ее неприятности еще не кончились.

Балконная дверь была закрыта, а открывалась она, как всякая балконная дверь, только изнутри.

Надежда охнула и без сил опустилась на какую-то коробку.

Ее балкон тоже был превращен в подобие кладовки. Надежда хранила здесь коробки с игрушками внука Сан Саныча Вовки и прочими ненужными вещами. Правда, она старалась содержать балкон в порядке, не устраивала на нем завала, коробки стояли ровными рядами – и на одну из них Надежда тяжело опустилась.

Из коробки донесся истеричный визг.

Надежда в ужасе вскочила, схватившись за сердце... но тут же сообразила, что случайно села на резинового утенка, с которым Вовка играл в раннем детстве, когда его купали в пластмассовой ванночке. Утенок этот оглушительно пищал, когда на него нажимали.

– Нет, нервы у меня стали ни к черту! – проговорила Надежда вслух. – Хотя это неудивительно... сначала найти окровавленный труп, потом спуститься с балкона практически без страховки... но вообще, этого утенка давно пора выбросить, только рука не поднимается... ох, не про резинового утенка мне сейчас нужно думать! Как мне отсюда выбраться, вот в чем вопрос!

– Надя, ты с кем там разговариваешь? Ты что там делаешь? – донесся снизу чей-то удивленный голос.

Надежда вздрогнула от неожиданности и взглянула вниз.

Балкон, на котором оказалась Надежда, выходил на заднюю сторону дома, в глухой тупичок, где никогда никого не было. Тем не менее сейчас там прогуливалась Надеждина соседка Антонина Васильевна, которую в доме называли Недреманным Оком за острый интерес к чужой жизни, проще говоря – неумеренное любопытство. Она была в курсе всего, что происходило в доме, и даже того, чего и в помине не было. И сейчас Антонина Васильевна подтвердила свою репутацию, углядев Надежду на балконе.

– Надежда, – повторила Антонина. – С кем ты разговариваешь?

– Да это я по телефону с подругой говорила, – ответила Надежда и добавила, спохватившись, что телефона у нее в руке нет: – У меня беспроводная гарнитура.

– Ах, гарнитура! – проговорила Антонина Васильевна, поджав губы, как свекровь на свадьбе. – Ах, беспроводная! Дорогая, наверное... а вообще, что ты там делаешь?

Такое любопытство разозлило Надежду, и она хотела было сказать, что балкон – ее и она может делать там все, что захочет, но она вовремя остановила себя: ссориться с Антониной Васильевной – все равно что плевать против ветра, все на тебя же и попадет. Поэтому она самым вежливым тоном ответила, что решила в кои-то веки навести на балконе порядок.

– Порядок – это хорошо! – одобрительно проговорила Антонина. – Порядок – это правильно.

– А вы что там делаете? – в свою очередь поинтересовалась Надежда Николаевна.

– Я-то? – в голосе Антонины, может быть, впервые в жизни прозвучала неуверенность. – Гуляю я здесь...

– Гуляете? – переспросила Надежда с легкой ноткой удивления. – Странное место для прогулок!

– Ничего не странное! – огрызнулась Антонина Васильевна, но тут же резко изменила показания: – У меня подстаканник в окно выпал, вот я его и ищу...

– Подстаканник? – недоверчиво проговорила Надежда Николаевна. – Выпал? Сам по себе?

– Ну, выпал! – отозвалась Антонина агрессивно. – А что такого? Ты, чем вопросы всякие задавать, лучше посмотри сверху, может увидишь, у тебя глаза помоложе моих будут...

Надежда перегнулась через перила и действительно увидела в пожухлой траве газона тускло блестящий предмет.

– Вот он! – Она задала Антонине направление, та вскоре нашла свой подстаканник и удалилась, не подумав поблагодарить Надежду.

«Интересно, – подумала Надежда Николаевна, проводив соседку взглядом, – что это она подстаканники в окно бросает? Была бы она замужем, я бы подумала, что разыгралась семейная ссора, но ведь она одна живет, даже собаки у нее нет...»

Впрочем, Надежда тут же отбросила мысли о любопытной соседке, поскольку у нее были собственные, куда более важные проблемы. В частности, она не знала, как выбраться с балкона...

Она на всякий случай еще раз подергала балконную дверь, но та не поддавалась.

Надежда снова тяжело вздохнула, опустилась на коробку и приняла позу роденовского «Мыслителя».

Выбраться с балкона не удалось, придется дожидаться, пока вернется с работы муж и выпустит ее.

Неприятно, конечно, что он застанет ее в таком глупом положении, но ничего страшного: она как-нибудь отговорится. Главное, что ее не застали возле трупы. Вот тогда муж устроил бы настоящий скандал – он считает, что Надежда дня не

может прожить без какой-нибудь криминальной истории, и очень это не одобряет. При этом мотивы у него самые лучшие – он заботится о жене и беспокоится за ее безопасность, но это беспокойство принимает такие формы, которые портят Надежде кровь...

Надежда пошевелилась, чтобы разогнать кровь, – на улице октябрь месяц, а она в тонком свитерке, как бы простуду не схватить.

Тут за стеклом показалась нахальная рыжая морда – это Надеждин кот Бейсик заметил хозяйку в неподобающем месте и теперь с удивлением ее рассматривал.

– Что смотришь? – проговорила Надежда. – Злорадствуешь? Лучше бы помог мне отсюда выбраться!

Кот фыркнул и разве что не повертел пальцем у виска.

Еще немного полюбовавшись на хозяйку, он вдруг распушил усы, повел ухом и исчез.

Взглянув на часы, Надежда поняла, что кот помчался в прихожую встречать хозяина.

Надежда тяжело вздохнула: муж пришел, и нужно срочно придумать какую-то безобидную легенду, объясняющую, как она оказалась на балконе...

Прошло несколько удивительно долгих минут, и наконец Надежда Николаевна увидела мужа. Он вошел в комнату и теперь расхаживал по ней, с кем-то разговаривая по телефону, возле его ног отирался Бейсик, умильно заглядывая в глаза хозяину.

Надежда сверлила мужа взглядом через стекло, как эстрадный гипнотизер, но он ее не замечал.

– Вот ведь какой, – пробормотала Надежда с обидой, – жены нет дома, а ему хоть бы что! Разговаривает себе... небось, если бы его не встретил обожаемый

кот, сразу бы переполошился!

Выждав еще полминуты, она окликнула мужа:

– Саша! Саша!

Тот даже не повернулся в ее сторону. Должно быть, звуки не проникали через двойной стеклопакет. Не обманули изготовители окон, действительно отличная звукоизоляция!

Надежда забарабанила пальцами по стеклу.

На этот раз муж что-то услышал, повернулся к окну, и на его лице отразилось искреннее изумление.

Он подошел к балконной двери и что-то проговорил – рот широко открывался, губы шевелились, как в немом кино, но Надежда ничего не слышала.

– Да открой же ты дверь! – проговорила она раздраженно и для верности показала на дверную ручку.

Наконец он открыл дверь и повторил с детским недоумением:

– Надя, а что ты тут делаешь?

– А ты как думаешь? – огрызнулась Надежда Николаевна. – Загораю, наверное!

Она вовсе не хотела скандалить, но помнила, что нападение – лучшая защита, кроме того, очень рассердилась на мужа за то, что тот ее не хватился и долго не замечал, что она заперта на балконе.

– Загораешь? – переспросил муж недоверчиво, оглядев ее с ног до головы. – В свитере и джинсах? И вообще, извини, конечно, но это – теневая сторона! Осень на дворе...

– Ты совсем шуток не понимаешь? – фыркнула Надежда. – Да вышла я, чтобы порядок здесь навести! У нас тут черт знает что творится, настоящие авгиевы конюшни, давно нужно выкинуть все лишнее! Вон, утенок резиновый лежит – кому он нужен?

Для подтверждения своих слов она взяла в руку злополучного утенка и сжала его, тот оглушительно взвизгнул.

– Ну, я не знаю... – протянул муж, едва заметно поморщившись от этого визга. – Но как получилось, что ты там заперлась?

– Все из-за твоего кота! – выпалила Надежда, покосившись на Бейсика, который жался к ногам хозяина, с интересом наблюдая за развитием событий.

Это была ее ошибка.

Муж Надежды, Сан Саныч, кота обожал и ни за что не дал бы его в обиду.

– При чем тут кот? – воскликнул он возмущенно. – Не перекладывай все с больной головы на здоровую! Или со здоровой на больную! – и он покосился на Бейсика.

– При чем кот? – Надежда слегка отступила. – Да я боялась, что он опять выскочит на балкон, и поэтому прикрыла дверь поплотнее, а она защелкнулась!

– Опять? – Сан Саныч выделил в ее фразе ключевое слово. – Что, он уже выходил на этот балкон? Ты его уже сюда выпускала? Надя, как ты могла! Это же очень опасно! Он же мог сорваться! Он мог разбиться! Это не шутки! Разве можно так легкомысленно относиться к коту...

– Тебе кот дороже жены! – искренне возмутилась Надежда. – Я просидела здесь... не знаю, сколько времени, но очень долго! Я замерзла, устала, проголодалась, в туалет хочу, а ты думаешь только о своем драгоценном коте! Ты пришел домой и даже не заметил моего отсутствия! Вот если бы не было твоего обожаемого кота, ты бы тут же поднял тревогу, объявил его в розыск, вызвал МЧС...

Сан Саныч почувствовал, что действительно переборщил, и схватил жену за руку:

- Прости, Наденька! Пойдем скорее, ты завернешься в плед, выпьешь горячего чаю... прости, что я не сразу тебя заметил... я подумал, что ты ушла в магазин...

- Давно бы так! - проворчала Надежда и первым делом устремилась в туалет.

Когда она вышла оттуда, муж уже нес ей большую чашку горячего чая. Надежда даже немного устыдилась - он пришел с работы, устал, это она должна его кормить и поить...

Тем не менее она с благодарностью взяла чашку, сделала большой глоток, чуть не обжегшись.

- Надя, - проговорил муж, выждав совсем немного, - скажи, Бейсик действительно уже выбегал на балкон? Когда это случилось? Почему ты мне об этом не рассказала?

Надежда застонала и поставила чашку на стол.

Ночью Надежде не спалось. Рядом посапывал Сан Саныч, который вырвал-таки у нее честное-пречестное слово, что она никогда, ни под каким видом не станет выпускать кота на балкон. Пришлось Надежде поклясться самыми страшными клятвами, только тогда муж оставил ее в покое. И заснул с чувством выполненного долга. А Надежда маялась, ворочаясь с боку на бок, так что кот, занявший было свое законное место у Сан Саныча под боком, возмутился и ушел в кресло, фыркнув, что Надежда совершенно невозможна, что ночью порядочные хозяева спят, укутав кота в одеяло, и боятся лишней раз пошевелиться, а не вертятся так, как будто землетрясение началось.

Надежда на фыркание кота не обратила внимания, потому что осознала, что не может заснуть, потому что мучается совестью. Перед глазами стояла мертвая Валентина, и Надежда точно знала, что она некоторым образом виновата в ее смерти. В самом деле, если бы она после того посещения, когда твердо уверилась, что в квартире кто-то бывает, позвонила Валентине и предупредила,

та задумалась бы, остереглась, приняла бы меры. И если не обратилась бы в полицию, то уж была бы начеку и не дала себя убить.

«Если бы да кабы, – тут же проснулся Надеждин внутренний голос, – известно же, что история не имеет сослагательного наклонения. Не ты стукнула несчастную Валентину по голове, так что нечего раскаиваться. Нужно сидеть тихо и делать вид, что ничего не знаешь. Удалось чудом спастись от убийцы – и слава богу. Потому что тот, кто пытался открыть дверь, – точно убийца. Если бы какой-то родственник, он шум бы поднял, полицию вызвал, а так все тихо... Нужно молчать и сидеть дома, мужу обеды готовить и за котом следить...»

Умом Надежда понимала, что внутренний голос прав, но совесть не унималась. Проворочавшись пару часов, Надежда осторожно встала и решила выпить горячего чая – авось полегчает.

Утром Надежда вспомнила, что обещала помочь Дине отобрать у воровки и стервы Виктории драгоценную табакерку. На фоне ее собственных неприятностей эта история как-то отошла на второй план. Но, как говорится, давши слово – держись! Тут как раз позвонила Дина. Голос у нее был очень расстроенный.

– Что, Никите хуже стало? – испугалась Надежда.

– Да нет, но он очень переживает, рвется домой, а ему нельзя, ушиб головы, нужно лежать... Я его утешаю, да видно плохо... Надь, ты придумала план?

У Надежды не было никакого плана, но она бодро заговорила:

– Значит, так. Нужно проникнуть в офис этого Вдовина, раздобыть его телефон. И с него послать Виктории сообщение, что он будет ждать ее в аэропорту.

– Почему в аэропорту? – удивилась Дина.

– Потому что там народу много! И можно незаметно всю операцию повернуть! Подробности при встрече! – сказала Надежда и повесила трубку, потому что, откровенно говоря, никаких подробностей пока сообщить Дине не могла.

Она решила подумать об этом по дороге и засобиралась. Кот сидел в прихожей у двери, и вид у него был, как у чеховского мальчишка, казалось, он так и скажет сейчас ехидно: «А я знаю!»

– Но-но, – бросила ему Надежда, – попробуй только проболтаться Саше – мигом сниму с дополнительного довольствия! Сухой корм будешь жевать, водой сырой запивать!

Кот не слишком поверил, но с дороги убрался.

Выходя из квартиры, Надежда Николаевна захлопнула дверь, вставила ключ в замочную скважину... Точнее, только попыталась это сделать. Ключ в замочную скважину не входил. Она машинально попробовала второй ключ, но с ним была та же самая история.

Надежда удивленно взглянула на ключи... И удивление перешло в ужас. Ключи были не те. Не ее ключи. Совершенно другая связка.

Несколько долгих секунд она разглядывала эти ключи, пытаясь понять, в чем дело и что, собственно, произошло.

В первое мгновение Надежда подумала, что перепутала связку – сунула в карман вместо ключей от своей квартиры ключи от квартиры матери, но тут же поняла, что связка совсем другая, незнакомая. Четыре ключа – три больших, от замков, надо полагать, дверных, и один поменьше, фигурный.

«Что же это такое? – думала Надежда, разглядывая эту связку. – Как такое могло случиться? Что это за ключи и где, спрашивается, моя собственная связка?»

И тут она вспомнила, что накануне, когда перелезала с балкона Валентины на свой собственный, она услышала, как что-то негромко звякнуло. Наверняка тогда она и выронила свою связку. Проверила в левом кармане и успокоилась, идиотка несчастная. А там лежали другие ключи, от Валентиной квартиры. То есть нет, ключи от Валентиной квартиры она на всякий случай спрятала, сидя еще на балконе в ожидании мужа. Спрятала в ту самую коробку с визжащим утенком. На всякий случай, чтобы муж не увидел.

Но тогда выходит, что эту связку она подобрала в квартире Валентины, возле ее труп, когда безуспешно искала пульс...

И эти ключи – не от Валентиновой квартиры, те она хорошо помнила!

Но тогда...

И тут Надежда поняла две очень важные вещи.

Во-первых, что эту связку ключей, скорее всего, потерял тот же человек, который убил Валентину. Вот почему он вернулся – хватился ключей. И в свой дом не попасть, и улика против него! Хотя... ключи и ключи, какая уж тут улика. Но тем не менее он вернулся. И хороша была бы Надежда, если бы столкнулась с ним в прихожей! Лежала бы сейчас рядом с Валентиной.

Представив такое, Надежда расстроилась. Стало себя очень жалко. Но переживала она недолго, потому что вспомнила, что есть еще одна важная и неприятная вещь.

А именно: что ее собственные ключи остались на балконе у Валентины.

– Господи, что же делать?! – тоненько вскрикнула Надежда, что было для нее совершенно не характерно.

Первым ее побуждением было – оставить все как есть, забыть про злосчастные ключи, сделать вид, что их вообще не было. В конце концов, у нее есть запасной комплект. Взять его и идти по своим делам, ее Дина ждет. А потом, когда пройдет какое-то время и все затихнет, можно сказать мужу, что она потеряла ключи, и поменять замки. От греха.

Но тут же Надежда поняла, что такой номер не пройдет.

Если ее ключи найдут в квартире у Валентины – Надежду Николаевну привяжут к убийству! Потому что на ключах висит брелочек с очень симпатичным рыжим котиком. Брелок подарила Надежде приятельница Алка, потому что кот на нем – вылитый Бейсик. Даже муж согласился, что похож. Полиция спрашивает по лестнице, и та же соседка Антонина Васильевна тут же вспомнит, что у

Надежды есть рыжий кот. А дальше все просто: придут в квартиру – вот он, кот-то, один в один. И возьмут Надежду, что называется, тепленькую. Даже если не обвинят собственно в убийстве, арестуют, будут допрашивать... и все дойдет до мужа!

Нет, только не это...

Но что же тогда делать? Снова пойти в квартиру Валентины и забрать свои ключи?

Нет! Нет и нет! Она ни за что больше не войдет в ту квартиру! Даже под страхом смертной казни!

Надежда вспомнила труп Валентины, расплывшееся вокруг нее пятно крови – и по ее телу пробежал озноб.

Но тогда... что же ей остается?

И тут у Надежды мелькнула блестящая мысль. По крайней мере, в тот момент она показалась ей блестящей.

Если она потеряла ключи на балконе у Валентины, на восьмом этаже, – значит, с балкона девятого этажа их можно, по крайней мере, увидеть. А может быть, даже достать.

Выше Валентины, на девятом этаже, жила Зинаида Яковлевна – милая старушка в легком маразме, подслеповатая и совершенно глухая. Встречаясь с соседями, она приветливо улыбалась и щебетала:

– Ах, какие у вас милые детки! Только вы мне не говорите, как их зовут, я все равно не услышу, а если и услышу – не запомню! – И она смеялась тоненьким, надтреснутым смехом.

Благодаря отсутствию слуха и памяти, мир был полон для нее приятных неожиданностей. Например, она каждый день могла знакомиться с милыми людьми – с которыми знакомилась уже неоднократно.

Жила Зинаида Яковлевна вдвоем с дочкой Полиной. Полина мать обожала и заботилась о ней, как могла.

Надежда с Полиной близко не была знакома, поскольку та вечно пропадала на работе, но издали уважала, поскольку на балконе у Полины цвела очень неплохая герань, а Надежда придерживалась убеждения, что цветы хорошо растут только у хороших людей.

Прежде чем отправиться к Зинаиде Яковлевне, Надежда забежала в ближнюю пекарню и купила свежих, только что испеченных пирожков с картошкой.

Вооружившись коробкой с пирожками, она поднялась на девятый этаж и позвонила в дверь.

За дверью слышалось шарканье и тоненький надтреснутый голосок, напевавший:

– На аллеях центрального парка

Дивным цветом цветет резеда...

Затем замок щелкнул, дверь открылась, и перед Надеждой возникла Зинаида Яковлевна.

Зинаида Яковлевна была облачена в китайский шелковый халат в лиловых хризантемах. На голове у нее был повязан кокетливый розовый платочек. Она приветливо улыбнулась Надежде и спросила:

– Здравствуйте, милая! Вы из жилконторы?

– Нет, я не из жилконторы! – ответила Надежда громко и отчетливо. – Я Надя, мы с вами соседки!

– Конфетки? – переспросила старушка, с интересом взглянув на коробку. – Я люблю конфетки!

– Это не конфетки, это пирожки. Пирожки! – последнее слово Надежда почти прокричала.

Это подействовало: Зинаида Яковлевна закивала и проговорила счастливым голосом:

– Пирожки я тоже люблю! Пойдемте пить чай! А как вас зовут, милая?

– Надя! Надежда!

– Одежда? – Зинаида Яковлевна кокетливо поправила халат. – Вы мне льстите, милая! Халатик старенький, хотя, конечно, цвет очень приятный! Заходите!

Надежда вошла вслед за хозяйкой в квартиру, закрыла за собой дверь. Зинаида Яковлевна направилась на кухню, поставила чайник, затем довольно ловко накрыла чай на две персоны и смущенно улыбнулась:

– Вы не будете возражать, милая, если я включу телевизор? Там начинается мой любимый сериал – «Два мужа Ангелины Федоровны»!

– Да пожалуйста, смотрите! А можно я пока взгляну на ваши цветы? У вас на балконе чудесная герань!

Зинаида Яковлевна вряд ли ее расслышала, но проговорила с прежней улыбкой:

– Все, что хотите, милая!

Воспользовавшись этим разрешением, Надежда Николаевна устремилась на балкон.

Герань у Полины и правда была хороша. На улице октябрь, а ей хоть бы что. Надежда одобрительно взглянула на нее, но не стала задерживаться: у нее здесь было более важное дело.

Перегнувшись через перила, она вгляделась в нижний балкон.

При виде этого балкона Надежду охватил невольный страх, она вспомнила, как вчера перелезала оттуда к себе, вися над бездонной пропастью. Сегодня в это было трудно поверить, и повторить этот опыт она ни за что не смогла бы.

Балкон Валентины был заставлен банками с краской и коробками со всякими строительными мелочами.

Надежда сменила позицию, чтобы взглянуть на балкон под другим углом... И тут она заметила, как у самого края балкона что-то блеснуло. Она перегнулась через перила еще дальше, напрягла зрение... И поняла, что видит именно то, что нужно, – связку ключей.

Теперь Надежда знала, где потеряла свой комплект, но знать – мало, нужно этот комплект достать.

А вот как?

О том, чтобы перелезть с балкона Зинаиды Яковлевны на балкон Валентины, не могло быть и речи. Вчера ей это удалось – но удалось чудом, потому что она была в невменяемом состоянии. Повторить такой подвиг Надежда не смогла бы даже под страхом смертной казни. Кроме того, ей недостаточно спуститься на нижний балкон – после этого нужно подняться оттуда с ключами, а уж это просто физически невозможно!

Что же делать?

Надежда горестно разглядывала ключи.

Вот это как раз то, что называется – близок локоть, да не укусишь!

От безысходности Надежда стала перебирать всякие пословицы и поговорки, подходящие к ее теперешнему положению. Зелен виноград... без труда не вытащишь и рыбку из пруда... хотя при чем здесь рыбка?

Вот если бы это были не ключи, а рыбка, и если бы Надежда была опытным рыболовом, она могла бы поймать ключи на удочку... но ключи – не рыба, на червяка не клюнут...

Тут она вспомнила, что у внука Вовки была игра «Маленькие рыболовы». В эту игру входили маленькие деревянные удочки с магнитом вместо крючка и металлические рыбки, которых можно было на этот магнит ловить...

Надежда Николаевна Вовке была бабушка не родная. Поскольку муж у нее был второй, и вышла за него Надежда... дай бог памяти... скоро будет девять лет... или десять... нет, девять, то общих детей у них не было. У Надежды была своя внучка Светланка, которая проживала с родителями в далеком и холодном Северодвинске. Сан Саныч же имел внука Вовку, который тоже с родителями жил в данное время в Канаде, сын Сан Саныча работал там по контракту. Так получилось, что супруги Лебедевы жили сейчас в той самой трехкомнатной квартире, где Вовка провел свои самые юные годы, оттого и лежали на балконе его игрушки, и среди них – игра «Маленькие рыболовы».

Стоп!

Ведь ключи – металлические, а это значит...

Это значит, что их тоже можно поймать на магнит! И для этого Надежде не придется спускаться на балкон Валентины!

Надежда выскочила в прихожую и, услышав доносящиеся из соседней комнаты громкие и ненатуральные голоса телевизионных персонажей, крикнула туда:

– Зинаида Яковлевна, я сбегаю к себе, выключу суп и сейчас же вернусь!

Соседка вряд ли ее услышала, но условности были соблюдены.

Надежда сбежала по лестнице, юркнула в свою квартиру и напрямик устремилась на балкон – туда, где стояли коробки с Вовкиными игрушками. Ей нужно было действовать как можно быстрее – пока не закончился фильм, который смотрела Зинаида Яковлевна. К счастью, игра «Маленькие рыболовы» обнаружилась в первой же коробке.

Надежда достала из нее одну удочку с магнитом на веревочке. Однако эта веревочка была, разумеется, слишком короткой, всего сантиметров двадцать – двадцать пять. К счастью, в Надеждином хозяйстве нашелся моток бечевки.

Вооружившись всем необходимым, Надежда снова отправилась на девятый этаж.

Судя по доносящимся из комнаты истерически взвинченным голосам, сериал был в полном разгаре. Надежда пробралась на балкон, отмотала нужный кусок бечевки, привязала к нему магнит и спустила его через перила.

Оказалось, что поймать таким образом связку ключей куда сложнее, чем игрушечную рыбку. Магнит на бечевке раскачивался, как пресловутый маятник Фуко, пролетая мимо цели, бечевка скручивалась, как пружина, еще больше усложняя траекторию. Надежда применила все свое терпение, стараясь успокоить качания магнита. Но как только дело пошло на лад и он перестал качаться – как назло, поднялся ветер и отнес магнит далеко в сторону.

Надежда Николаевна повторяла попытки раз за разом, но ничего не выходило.

Она молила Бога только об одном: чтобы никто из жильцов не появился в тупике под окном и не застал ее за таким странным и предосудительным занятием. К примеру, Антонине Васильевне это было бы очень трудно объяснить. Но будем надеяться, что она не бросается из окна подстаканниками каждый день.

Надежда уже отчаялась, но вдруг ветер стих, и магнит повис неподвижно над самыми ключами. Боясь спугнуть удачу и почти не дыша, Надежда немного стравила бечевку. И – о, чудо! – магнит прикоснулся к одному из ключей и с негромким щелчком прилип к нему.

– Ура! – громким шепотом воскликнула Надежда и осторожно потянула бечевку.

Она никогда не занималась рыбной ловлей, но слышала, что поймать рыбку на крючок – это только полдела, самое сложное – это вытащить ее из воды.

И действительно, как только она вытянула несколько сантиметров бечевки и связка приподнялась над балконным полом – ключ отлепился от магнита, и вся связка с глухим звуком упала обратно.

Все понятно – магнит из детской игры слишком слаб для такой крупной рыбки... то есть для такого тяжелого груза.

Самое же неприятное, что ключи упали очень неудачно, в труднодоступное место, куда магнит не пролезал.

И в это время из коридора донесся жизнерадостный голос Зинаиды Яковлевны:

– Аня! Анечка! Сериал кончился, пойдем чай пить! У меня к чаю есть очень вкусные пирожки, мне их женщина из жилконторы принесла, такая милая!..

Надежда чертыхнулась и смотала бечевку.

С рыбной ловлей ничего не получилось, так что теперь единственный выход – снова идти в квартиру Валентины, чтобы забрать свои ключи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/natalya-aleksandrova/dom-prizraka/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/natalya-aleksandrova/dom-prizraka-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)